

Глава 1

Лошади всегда были ее самым главным увлечением, настоящим смыслом жизни. Сколько помнила себя Леля, она всегда восхищалась этими сказочно прекрасными животными. Можно сказать прямо, Леля подарила лошадям свое сердце с того самого заветного мига, когда произошла их первая встреча.

Случилось это так: Леля ехала в детской колясочке, а навстречу ей двигались кони. Статные четвероногие красавцы! Все внутри маленькой девочки так и замерло, когда она увидела приближающихся к ней длинноногих небожителей.

Даже сейчас Леля помнила, как высунулась, едва не выпав из коляски, как от восхищения открылся у нее ротик и перехватило дыхание. Она застыла неподвижно, не в силах вымолвить ни слова, ей просто не верилось в то, что где-то совсем рядом с ней может существовать такая величественная красота.

Помахивая хвостами, полицейский разъезд Курортного района, а это был именно он, про-

шел мимо семьи с ребенком. А Леля все смотрела и смотрела им вслед, не в силах оторваться от этого зрелища.

Родители сперва даже испугались: что это с их дочерью? Отчего их всегдашняя непоседа сидит неподвижно, словно заколдованная? Но отец, проследив за взглядом Лели, быстро все понял.

— Казачка! — рассмеялся папа. — Лошади у нее в крови.

И в ответ на взгляд мамы пояснил:

— Вот увидишь, она вырастет и станет всадницей. Кровь предков, ее не обманешь! Моего отца посадили в седло, когда ему еще и года не исполнилось. Ходить не умел, а на лошади уже всю скакал. И ведь не падал! Про деда и говорить нечего, он прямо в седле и родился.

Мама ничем таким особенным в общении с лошадьми похвастаться не могла, поэтому вежливо улыбнулась и пожала плечами, заметив при этом, что она очень благодарна папе, что он не сажал маленькую Лелю верхом на лошадь и тем более не заставлял саму маму рожать дочь в таком неудобном месте.

Но Леля знала, что папа ее прав.

У его семьи с лошадьми отношения всегда были особые. Двоюродная прапрабабка вырастила Квадрата — знаменитого рысака, памят-

ник которому был установлен на ВДНХ в Москве. Знала Леля и о том, что у ее прадеда до революции в Краснодарском крае имелся небольшой конный заводик.

Но имел ли значение голос крови или все дело было в чувстве прекрасного самой Лели?

Кони, с их плавными движениями и какой-то неизъяснимой грацией в каждом шаге, казались ей существами из какого-то другого, несоизмеримо лучшего мира. Чудилось ей, что вместе с цветами, птицами и солнечным светом кони спустились на землю, чтобы одним своим присутствием сделать существование людей чуть более сносным. Подарить им хоть лучик того света, который есть там высоко на небе.

С тех пор утекло очень много воды. Уже не было папы: он ушел рано, от инфаркта. Перенесся один, не выдержал второго. Причем умер прямо в больничной палате, когда все вокруг уже праздновали его победу над смертью и радовались, что все обошлось. И вдруг звонок, словно гром среди ясного неба: «Ваш отец скончался».

Леле тогда едва стукнуло восемнадцать. Если задуматься, то самый паршивый возраст для сироты. О маленьких сиротках государство худо-бедно, но все же заботится. На них платят пособия, они получают какие-то льготы. А со-

вершеннолетняя сирота уже вроде как и не сирота. И плевать государству, что у восемнадцатилетней девушки трат куда больше, чем у трехлетней малявки. И что работать она пойти не может, потому что образования у нее никакого нет. А без образования всюду платят копейки, на которые молодой девушке прожить, конечно, можно, но уж очень трудно.

Но это еще ладно, это еще можно было пережить. Куда хуже была та бытовая неустроенность, которая вдруг возникла после смерти отца. Оказалось, что бóльшую часть их семейного бюджета составляли именно его доходы.

Отец был инженером, проектировал заводское электрооборудование, работал много, потому и платили ему вполне прилично. Не стало отца, не стало и денег. Кроме того, отец обладал какой-то удивительной особенностью: одним своим присутствием он превращал любой обычный день в праздник.

Тетка так его и звала:

— Человек-праздник. Человек-мотылек.

И вот этого праздника в жизни Лели тоже не стало. Остались лишь серые будни.

Тогда Лелю здорово выручили кони. Особенно ее Пунцовый, старый конь арабской породы, который отличался каким-то удивительным по-

ниманием и чуткостью. Рядом с ним Леля чувствовала, как отступает душевная боль, неотступно терзавшая ее все время. Просто чисто физически ей легче становится дышать. И ведь Пунцовый ничего такого не делал. Просто жевал свое сено, махал хвостом, фыркал, раздувая шелуху, и выскивал на дне кормушки затерявшиеся там зернышки овса. Случалось, пихал ее своим теплым боком, чтобы не забывала гладить по шее в заветном местечке под гривой.

И Леле становилось легче. Но с Пунцовым пришлось расстаться.

Секция, в которой занималась Леля, не могла позволить себе благотворительности. А Леля не могла платить за занятия. Какое-то время она подрабатывала конюхом, но потом владелец секции заявил, что обновляет поголовье конюшни. И Пунцовый был продан куда-то в Подмоскowie. Поехать за своим любимцем Леля, конечно же, не могла.

Вот это было горе так уж горе! И главное дело, что утешить ее было уже некому. Тогда-то она и решила, что обязательно купит себе своего собственного коня, чтобы никакому самодуру не пришлось больше в голову продать друга Лели.

Собрала деньжонок и купила.

Первый ее собственный конь был пони. Звали его Пончик. Маленький пони, которого

Леля привела к ним домой, потому что отдала за него все, что имела, на содержание ничего не осталось.

Мама пришла в ужас от такого питомца, и все уверения Лели, что Пончик ничего не испортит и вообще он очень воспитанный конь, мама не воспринимала.

На все доводы дочери она повторяла одно и то же:

— Ты с ума сошла!

— Но мамочка! Хотя бы на одну ночь! Посмотри, ночь за окном! Снег! Холодно!

Пончик стоял рядом и смотрел на маму печальными карими глазами. Потом деликатно переступил своими крохотными копытцами и ткнулся маме в руку, так вкусно пахнущую свежей сдобой.

В итоге Пончик прожил у них почти две недели. На исходе первой к ним с мамой люди стали подозрительно принюхиваться в лифте и транспорте, на исходе второй коллеги на работе демонстративно подарили маме дезодорант.

Как ни печально, но с Пончиком пришлось расстаться. Он переехал в теплую обустроенную конюшню, где прекрасно прижился, нашел себе нового хозяина и отправился катать трех его ребяташек.

А у Лели к этому времени появилось уже новое увлечение — это был жеребенок.

Первый в ее жизни настоящий конь, потому что Пончик с его скромными размерами мог сойти разве что за половинку мечты. А вот Ветерок очень даже подходил.

— Тракен! — расхваливал его продавец. — Хоть в спорт, хоть в упряжь! Отдаю за копейки! Вырастет, и глазом не успеешь моргнуть.

Ну, копейки или не копейки, а тридцать тысяч за Ветерка все же пришлось выложить. То есть больше тысячи долларов по тем временам. За жеребенка не так уж и мало. Зарабатывала эти деньги Леля долго и с трудом, а отдала быстро и с радостью.

А вот рос Ветерок и впрямь не по дням, а по часам. И очень скоро стало ясно, что с чистотой породы у этой лошади прежний хозяин что-то напутал. Ну не был похож Ветерок на скаковую лошадь. Слишком тяжелый у него был шаг, слишком массивная голова и короткие оказались ноги. А вот масть была хороша: темно-рыжий, почти красный, а хвост и грива белые. Игрневый красавец! За эту масть Леля его и выбрала.

Над ней потом частенько посмеивались более опытные конники: купила лошадь за масть, но Леле было все равно. Это был первый настоя-

щий конь, который принадлежал ей весь с потрохами, и Леля считала, что он прекрасен! Это была та самая любовь, которая возникает из ниоткуда и разрушить которую не могут ни годы, ни расстояния, ни вразумления более мудрых друзей.

И все бы ничего, но характер у Ветерка оказался не ахти. Не любил он быть послушным. В чем тут было дело, сказать трудно. То ли Леля была слишком неопытна и многое Ветерку прощала, то ли дело было в самом коне, но он очень быстро понял, что из хозяйки можно веревки вить, чем успешно и пользовался. Много ел, мало работал. Если его все же пытались нагрузить работой, быстро и чрезвычайно убедительно заболел. Стоял понурый, тяжело вздыхал, поджимал то одну, то другую ногу. Воплощение больного, нуждающегося в уходе и заботе животного.

Но стоило снять с Ветерка нагрузки, конь тут же выздоравливал. И скакал по леваде, и резвился с другими лошадьми, и никакие недуги его не тревожили вплоть до того момента, как надо было седлаться и идти работать. Тут Ветерка снова прижимало с новой силой, чуть не падал со всех своих четырех ног, бедняга. В общем, хитрил конь, как мог, отлынивал и уваливал столь

виртуозно, что в конце концов даже безоглядно любящая его Леля поняла: вершин спортивного Олимпа с таким партнером не покорить.

— Продай ты его, — советовали Леле друзья. — Не для тебя конь. Какая-нибудь баба в деревне будет счастлива иметь такого для своих ребятишек.

Но и для детского проката Ветерок не очень-то годился. Любил он подурачиться, совсем не считаясь с возрастом своих седоков. И очень часто Леле приходилось мчаться за уносящимся куда-то в одному ему ведомую даль Ветерком, на спине которого орал от ужаса маленький всадник. Хорошо, если дело обходилось одним испугом, куда чаще неопытные ребята слетали с коня, а их возмущенные родители пытались потом подать в суд на Лелю.

Апофеозом такого поведения стала ситуация, когда Ветерок, катая шестилетнего мальчика Витю, учуял проходящую неподалеку кобылу в весьма интересном для него положении и рванул за ней. Как на грех, наездник из Вити обещал получиться хороший, несмотря на юный возраст, держался он за лошадиную гриву крепко, падать не собирался, и вместе с Ветерком они попытались оседлать кобылу, которая и сама тоже была под всадником.

Издалека Леля могла лишь наблюдать за тем, как ее любимец пристраивается у крупа кобылы, делая недвусмысленные движения тазом и всей своей задней частью. А кобыла и ее всадник более или менее успешно пытаются увернуться от возвратно-поступательной атаки незваного кавалера. И все это представление сопровождается отборным матом хозяина кобылы и истерикой Витиной мамы, как на грех пожелавшей присутствовать на занятии.

— Продай! — снова твердили Леле все вокруг. — Тебе с таким обалдуем не справиться. Посмотри на себя, ты же травиночка. Конь тебя совсем не слушается.

Но Леля все еще пыталась дать своему любимцу шанс.

Поручила Ветерка своему жениху Сереже, а сама уехала на недельку к бабушке в другой город: отдохнуть, собраться с мыслями.

Когда вернулась, то, к своему негодованию, обнаружила, что Сережа превысил полномочия и распорядился судьбой Ветерка по своему разумению. Попросту говоря, лишил Ветерка некоторых деликатных частей организма.

В первый момент Леля просто не поверила своим глазам.

— Ты... ты что наделал?

Но Сергей ничуть не смутился.

— Так будет лучше! Поверь мне! Ветерок станет спокойней, ты сможешь с легкостью с ним управляться.

— Ты тоже поверь! — прошипела Леля. — Поверь, что между нами все кончено!

Сережа обиделся, обозвал Лелю неблагодарной и потребовал, чтобы, коли уж она ему больше не невеста, возместила стоимость проведенной Ветерку операции.

В ответ Леля послала Сережу по известному адресу, посоветовав ему пришить себе то, что отрезал у ее коня.

Сильней всего Лелю обижало то, что никто из окружающих не понимал причины ее негодования.

Подруги в один голос сказали:

— Дура ты, Лелька! Хороший был парень, о тебе заботился. Зачем прогнала? Кто теперь на тебя позарится?

Леля хорохорилась:

— Кто-нибудь да найдется.

— Ты же из своей конюшни не вылезает. А много у вас там женихов, кроме Сереги, который тебя теперь за три километра обходит? Сиди теперь со своим конем, он — мерин, ты — синий чулок! Прекрасная парочка, друг друга стоите!